

УДК 821 (73). 09

ББК 83.3 (7 Сое)

С 79

Степанова Т.М.

Доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Адыгейского государственного университета, e-mail: stepanova.maykop@gmail.com

Аутлева Ф.А.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Адыгейского государственного университета, e-mail: KAFINYAZ@mail.ru

Трансформация жанра и мифологема лени, покоя и сна в «Легенде о Сонной Лощине» В.Ирвинга (Рецензирована)

Аннотация:

Цель - рассмотрение особенностей трансформации жанра легенды в творчестве Вашингтона Ирвинга преимущественно на материале «Легенды о Сонной Лощине», а также цикла новелл «Альгамбра»; анализ приемов раскрытия архетипов и мифологем лени, покоя и сна как символов, с одной стороны, расслабленности, размеренности и ненапряженности существования, с другой – сна как спутника грез в данном произведении в контексте других сочинений Вашингтона Ирвинга. Задачи – исследование имитации документально-публицистического стиля, характерной для и книги-травелога «Альгамбра»; преобладания в структуре текста устной традиции, разговорной просторечной лексики, особенностей лирико-романтического, отчасти идиллического хронотопа произведения, элементов в нем лирического автобиографизма. Методология определяется совокупностью сравнительно-исторического, культурологического, текстологического подходов, связанной с вниманием автора к такой особенности бытования фольклора, как вариативность, а также наличием выраженного интертекста, проявленного в реминисценциях и аллюзиях, в частности, связанных с фигурой доктора Фауста; фактах мистико-аллегорического проявления в произведении архаических фольклорно-этнографических представлений, традиций и обычаев; иронии как скрытой форме юмора – наиболее подходящей формой высмеивания суеверий, примитивного характера массового сознания. Делается вывод об актуальности характерной для книги антитезы рационального и иррационального, концепции Вашингтона Ирвинга о сохранении самобытного культурного наследия, традиционной народной культуры как дихотомии двух значительных тенденций – глобализации и антиглобалистики, чем определяется научно практическая значимость исследования.

Ключевые слова:

Фольклоризм, текст, интертекст, стилизация, пародия, баллада, легенда, предание, аллюзия, псевдоромантическая поэзия, смеховая культура.

Stepanova T.M.

Doctor of Philology, Professor of Literature and Journalism Department, Adyghe State University, e-mail: stepanova.maykop@gmail.com

Autleva F.A.

Candidate of Philology, Associate Professor of Foreign Languages Department, Adyghe State University, e-mail: KAFINYAZ@mail.ru

Transformation of a genre and mytheme of laziness, rest and dream in «The legend of Sleepy Hollow» by W. Irving

Abstract:

This paper focuses on examination of features of transformation of the legend genre in Washington Irving's creativity by using the materials of «The Legend of Sleepy Hollow» and a cycle of short stories «Alhambra», as well as the analysis of methods of disclosure of archetypes and mythemes of laziness, rest and dream as symbols, on the one hand, of slackness, regularity and lack of intensity of existence, on the other, – of a dream as the satellite of imaginings in this work in the context of other compositions of Washington Irving. Objectives of this paper include research of the imitation of documentary and publicistic style, characteristic also of book travelogues «Alhambra»; prevalence of oral tradition in structure of the text, colloquial lexicon, features of lyrical-romantic, partly idyllic chronotope of work, and elements of lyrical autobiographism. The methodology is defined by a set of comparative-historical, culturological and textual approaches connected with attention of the author to such feature of folklore as variability, as well as existence of the expressed intertext shown in the reminiscences and hints, in particular, related to Doctor Faust's figure; the facts of mystic-allegorical manifestation in work of archaic folklore and ethnographic representations, traditions and customs; and irony as the latent form of humor, the most suitable form of ridiculing of superstitions, primitive nature of mass consciousness. The conclusion is drawn about relevance of an antithesis of the rational and irrational, characteristic of the book, about Washington Irving's concept on preservation of the original cultural heritage, traditional national culture as dichotomy of two considerable tendencies – globalization and anti-globalization, which define scientific and practical importance of research.

Keywords:

Folklorism, text, intertext, stylization, parody, ballad, legend, hint, pseudo-romantic poetry, humorous culture.

Легенда как жанр и как более содержательное и многозначное смысловое понятие по-разному трансформируется и переосмысливается в творчестве Вашингтона Ирвинга. Так, например, структура цикла «Альгамбра» содержит восемь произведений в этом жанре. Легенды, входящие в «Альгамбру», насыщены ярким экзотизмом, фантастическим и мистическим вымыслом, отличаются выраженно «легендарным» характером. По поводу других случаев использования этого жанра у В. Ирвинга можно сказать, что они разнообразны и что все они в комплексе и в совокупности представляют собой своего рода «легенду о легенде», «анекдот о легенде», «пародию на легенду». Но одновременно это и собственно легенда.

Эта книга В. Ирвинга, «относящаяся

читателя к бумагам «покойного Дидриха Никербокера, вновь, как и в «Рип Ван Винкле», всячески обыгрывает семантику и архетип *лени*, но уже в несколько ином ключе, чем это было в предыдущей новелле. Здесь, скорее, поэтизируется фольклорный образ-символ вечного блаженства, состоящего из *сна, дремоты*, философского созерцания. И вновь основному тексту предшествует эпиграф, на сей раз взятый из текста Джеймса Томсона, «Замок *Лени*», где мы встречаем разные коннотации обозначенного выше смысла:

*Странною грез дремотных это было,
Плывущей мимо полусонных глаз,
Воздушным замком облака, что всплыло,
Чтоб в летнем небе утонуть тотчас.*

(Джеймс Томсон «Замок Лени»).

В данном случае мифологема *сна*

несет двоякую нагрузку: с одной стороны, акцент сделан на сне как спутнике лени, расслабленности, размеренности и ненапряженности существования, с другой – на сне как спутнике грез. Вообще семантика сна несет у В. Ирвинга многозначную и многоплановую нагрузку. Кроме того, лексемы *лощина*, *лог*, обозначающие определенную форму природного ландшафта, несут в себе дополнительный романтико-идиллический смысл.

Мифологема сна и сновидения занимает совершенно особое место в системе иррациональных и рациональных представлений всех времен и народов. Но все эти сны, в конечном итоге, имеют в основном глубоко отрицательную коннотацию – в системе народных представлений многозначная семантика и символика сна уподобляется во многом смерти, является тождественной с ней. Кстати, в переводе А. Бобовича все заглавие текста, точнее, его звуковая организация с обилием сонорных, максимально «работает» на тот же эффект. Вынесение в заглавие произведения наименования определенного фольклорного жанра легенды также создает соответствующий настрой. В этом тексте можно наблюдать, пожалуй, наибольшее проявление романтической традиции, связанное, в первую очередь, с поэтизацией природы, повседневного быта, народных преданий. В то же время В. Ирвинг использует здесь имитацию документально-публицистического стиля, столь характерную для его книг-травелога «Альгамбра»: *В глубине одной из тех просторных бухт, которыми изрезан восточный берег Гудзона, там, где река раздается вширь, лежит небольшой торговый поселок, сельская пристань, (...) точное и общеупотребительное название ее – Тарри-Таун* [1].

В примечании переводчика не без иронии говорится, что это название с трудом поддается переводу, нечто вроде: «Мешкай-город». Семантика этого топонима также напрямую связана с ленью,

неторопливостью, сонностью. Она также имеет сходство с такими наименованиями жителей определенных местностей, отличающимися какими-либо специфическими особенностями, зафиксированными в фольклоре разных народов, как *пошехонцы*, *габровцы* и т.д. Необходимо заметить, что автор здесь снова, как и в других произведениях «Книги эскизов», обращает внимание на преобладание в его структуре устной традиции, разговорной просторечной лексики:

Нам рассказывали, что она была так прозвана во дни оны почтенными кумушками здешней округи, отметившими таким образом застарелую склонность их супругов вечно торчать в базарные дни в деревенском трактире. Как бы то ни было, не ручаясь за достоверность этого объяснения, я привожу его здесь потому что стремлюсь к точности и обстоятельности [1].

Лирико-романтический хронотоп произведения дополняется яркими зрительными и звуковыми образами пейзажного характера, живописно дополняющими семантику сна: *Неподалеку от деревни, в каких-нибудь двух-трех милях, находится небольшая долина, или, вернее, лощина, окруженная цепью высоких холмов и являющаяся одним из самых безмятежных и мирных уголков на всем свете. По ее дну скользит ручеек, баюкающий и навевающий дрему; по временам раздающийся свист перепела да «тук-тук» зеленого дятла — вот единственные звуки, нарушающие ее неизменную тишину* [1].

В следующем далее небольшом лирико-автобиографическом фрагменте развиваются намеченные выше мотивы и лейтмотивы: *Вспоминаю, что в дни юности, как раз здесь, в ореховой роще, покрывающей один из склонов лощины, я застрелил свою первую белку. Я бродил среди высоких могучих деревьев. Дело было в послеполуденный час, когда природа особенно тиха и спокойна, так что меня*

испугал громкий выстрел моего ружья, прервавший торжественное безмолвие и к тому же продленный и повторенный сердитым эхом. Если я затоскую когда-нибудь об убежище, в котором я мог бы укрыться от житейской суеты и прогрезить в тиши остаток своих беспокойных дней, то мне не найти уголка, более благословенного, чем эта маленькая лощина [1]. Выделенные нами лексемы и фразеологические обороты дополнительно усиливают семантику покоя, грезы, тишины и благословенности.

Одновременно с этим необходимо заметить, что эпический размах, наблюдательность, неторопливость и обстоятельность авторского повествования сочетаются с лирической поэтичностью и одновременно определенной долей тонкого юмора в развитии намеченной системы мотивов и лейтмотивов: *Благодаря своей безмятежности и тишине, а также некоторым особенностям в характере обитателей, потомков первых голландских переселенцев, этот уединенный дол издавна именуется «Сонной Лощиной», а местных парней величают в окрестности не иначе как «соннолощинскими»... Кажется, будто над этой землей витают какие-то клонящие ко сну, дремотные чары, которыми насыщен тут самый воздух [1].*

Далее следует очередная отсылка к устной традиции, где автор заостряет внимание на такой особенности бытования фольклора, как вариативность, а также на наличии выраженного интертекста, проявленного в реминисценциях и аллюзиях, в частности, связанных с фигурой доктора Фауста: *Иные толкуют, что долина была околдована в первые дни поселения одним высокоученым немецким доктором, тогда как другие настаивают, что еще до открытия этого края мастером Хендриком Гудзоном здесь устраивал шабашу престарелый индейский вождь, прорицатель и колдун своего племени [1].* В свою очередь, не исключено наличие ал-

люзии к тексту В. Ирвинга в одном из детективных романов Агаты Кристи, романе «Лощина» (англ. The Hollow).

В. Ирвинг уделяет особое внимание фактам мистико-аллегорического проявления архаических фольклорно-этнографических традиций и обычаев: *Несомненно, однако, что это место и поныне продолжает пребывать под каким-то заклятием, заворожившим умы его обитателей, живущих по этой причине в мире непрерывных грез наяву. Они обожают всяческие поверья, подвержены экзотическим состояниям и видениям; пред ними зачастую витают необычайные призраки, они слышат какую-то музыку и голоса. Вся округа изобилует местными сказаниями, «нечистыми» местами, темными суеверьями; над лощиной чаще, чем где-либо, полыхают огненные метеоры и падающие звезды [1].*

Объективная и здравая и, одновременно, не лишенная иронии авторская оценка местных примет, связанных с жизнью природы, обычаев и поверий уступает место уже непосредственному изложению самих этих мистических поверий, правда, с поправкой на некоторое сомнение в их достоверности, выраженное оборотами как *кажется, по-видимому, говорят: Водится здесь, как кажется, и Ночной Кошмар со всем своим мерзким отродьем. Главный дух из числа посещающих этот зачарованный уголок – он же, по-видимому, и главнокомандующий всего сонма воздушных сил — некий Всадник без головы. Говорят, будто это – тень одного гессенского кавалериста, которому в какой-то безыменной битве революционной войны пушечное ядро оторвало голову и который время от времени, словно на крыльях ветра, проносится в ночном мраке пред местными жителями. Его видят, впрочем, не только в долине, но порою и на окрестных дорогах, в особенности около расположенной не вдалеке церкви [1].*

Ирония как скрытая форма юмора –

наиболее подходящая писателю форма для высмеивания человеческих суеверий: *Действительно, один из наиболее достойных доверия историков этого края — он со всею возможною тщательностью собрал и сличил сбивчивые рассказы о призрачном всаднике — утверждает, что тело кавалериста погребено внутри церковной ограды, а дух его рыщет ночами по полю сражения в поисках оторванной головы, так что быстрота, с которою он, подобно порыву ночного вихря, мчится подчас вдоль Сонной Лоцины, вызвана его опозданием и необходимостью возвратиться в ограду до первого света* [1]. После этого В. Ирвинг заключает, что таково, в общих чертах, содержание суеверной легенды, послужившей основой для множества странных историй, распространенных в этом царстве теней; что же касается призрака, то он известен у всех камельков округи как *Всадник без головы из Сонной Лоцины* [1].

Далее автор с внутренней улыбкой приходит к следующему закономерному выводу: *Примечательно, что склонность к сверхъестественному, о которой я упоминал выше, свойственна не только уроженцам долины — она неприметным образом захватывает всякого, кто проживет в ней известное время. Как бы трезв и рассудителен до переселения в эту дремтливую местность ни был пришелец, в скором времени он тоже подпадет влиянию чар, носящихся в воздухе, и станет великим мечтателем — будет подвержен видениям и грезам* [1]. Автор создает здесь антитезу рационального и иррационального, иронизирует по поводу «обывательского интереса ко всякого рода слухам, суевериям, по поводу крайне узкого и примитивного характера массового сознания, отношение к которому было блестяще запечатлено Э.Т.А. Гофманом в портретной галерее его филистерства» [2: 130].

Одновременно автором искусно создается своеобразный хронотоп удаленности, уединенности, таинственности изо-

бражаемого пространства и всего происходящего в этом пространстве: *Иногда откуда-то издали, с какой-нибудь уединенной, затерянной среди холмов фермы, слышалось протяжное пение нечаянно проснувшегося петуха, но и это казалось ему как бы смутным отзвуком неведомого мира* [1]. Одновременно сам автор развенчивает романтические стереотипы прекрасными иронически-реалистическими деталями, любовно внимательными к жизнедеятельности насекомых и земноводных: *Он не ощущал вокруг никаких признаков жизни, кроме случайного сонного и меланхолического стрекотанья сверчка или, порою, гортанного кваканья жабы, исходившего из расположенного поблизости болота, и казалось, будто она квакает и кряхтит оттого, что приняла во сне неудобное положение и теперь внезапно перевернулась на другой бок* [1].

Мифологема сна варьируется В. Ирвингом в самых разнообразных ракурсах и градациях, она сочетает в себе здесь крайнюю поэтичность и лиризм с тонким и мягким юмором, столь характерным фольклорным произведениям разных жанров, начиная от легенд, баллад и преданий и заканчивая произведениями так называемого детского фольклора — прибаутками и колыбельными песнями. Проанализированный выше отрывок выступает здесь в качестве закономерного фона для последующего развития сюжета произведения и других его компонентов. Рассказчик подчеркивает, что он упоминает об этом тихом и безмятежном уголке со всяческой похвалой; он с радостью констатирует, что *в этих маленьких забытых голландских долинах, разбросанных по обширному штату Нью-Йорк, ни население, ни нравы, ни обычаи не претерпевают никаких изменений* [1].

Автор в дальнейшем в образной метафорически аллегорической форме размышляет о весьма серьезных и приобретающих все большую актуальность в настоящее время, спустя два столетия, про-

блемах, связанных с сохранением самобытного культурного наследия, традиционной народной культуры. Сегодня это явление известно как дихотомия двух значительных тенденций – глобализации и антиглобалистики; при этом автор одновременно прибегает к определенной ностальгии по идиллическому компоненту: *Великий поток переселенный и прогресса, непрерывно меняющий облик других областей нашей беспокойной страны, проходит здесь совсем незамеченным. Долины эти подобны крошечным заводям у берегов бурных ручьев, заводям, где можно видеть, как соломинка или пузырек воздуха стоят себе мирно на якоре или медленно кружатся в игрушечной бухточке, не задеваемые порывом пронсящегося мимо течения. И хотя с*

тех пор, как я бродил среди дремотных теней Сонной Лощины миновало немало лет, я все еще спрашиваю себя, не произрастают ли в ее богоспасаемом лоне все те же деревья и те же семьи? [1]. Здесь нет идеализации патриархальной старины, нет прямой полемики с цивилизационными процессами, но вместе с тем имеет место определенная ностальгия по гармонии в мире природы и мире людей, умиротворенности, утраченной в результате развития технического прогресса и явлений глобализации, а форма легенды и ее переосмысление дает продуктивную почву для подобных обобщений. Таким образом можно сказать, что «каждое значительное произведение всегда особого рода обобщение, оно дает свою модель или авторскую картину мира» [3: 200].

Примечания:

1. Вашингтон И. Легенда о Сонной Лощине. URL: http://modernlib.ru/books/irving_vashington/legenda_o_sonnoy_loschine/read
2. Степанова Т.М., Аутлева Ф.А. Пародийное переосмысление романтических и фольклорных жанров и мотивов (средневековая баллада, готическая повесть) в новеллистике В. Ирвинга // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2015. Вып. 3 (134). С. 129-134.
3. Douglas A. Myth and Religion in Mircea Eliade. Garland Publishing, 1998, 386 p.

References:

1. Washington I. The Legend of Sleepy Hollow. URL: http://modernlib.ru/books/irving_vashington/legenda_o_sonnoy_loschine/read
2. Stepanova T.M., Autleva F.A. Parody reconsideration of romantic and folklore genres and motives (a Medieval ballad, the Gothic novel) in V. Irving's short stories // Bulletin of Adyge State University. Ser. Philology and the Arts. Maikop, 2015. Iss. 3 (134). P. 129-134.
3. Douglas A. Myth and Religion in Mircea Eliade. Garland Publishing, 1998, 386 pp.